Д.А. ЛЕНИНА
(Нижний Новгород)

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОМПОНЕНТ ОБРАЗА КИТАЯ В РОМАНАХ П. БАК

Рассматриваются китайская религиозно-философская система и ее особый синкретический характер на примерах из романов П. Бак «Земля», «Пиони», «Три дочери мадам Льянг». Анализируются религиозно-философские мотивы и символы, играющие важную роль в построении имагологического образа Китая в творчестве П. Бак.

Ключевые слова: *Перл Бак, образ Китая, имагология, религиозно-философская система Китая, китайский синкретизм.*

На протяжении тысячелетий религиозно-философская мысль Китая развивалась и функционировала в сложном комлексе норм и правил, которые отразились в этически детерминированном рационализме мышления китайцев и синкретической духовной традиции. Многоярусная система богов, ритуалов и культов, среди которых лидирующее место отводилось культам Неба и Земли, а также переплетение конфуцианства, даосизма, буддизма определяют уникальность китайской религиозно-философской системы.

В процессе общественно-политического, экономического и культурного освоения западным миром китайского этнического пространства были выявлены фундаментальные различия в религиозно-философских традициях и обычаях, породившие первые стереотипные образы «другого». Поверхностное восприятие китайской культуры, абсолютизирование и упрощение этнических особенностей китайцев привело к созданию устойчивых стереотипов о вере китайцев в сверхъестественное, о магических способностях видеть сквозь землю, околдовывать взглядом, вызывать голод, пожары и другие бедствия [2, с. 105].

Сопутствующая европейскому колониализму миссионерская экспансия дала толчок к созданию отрицательного образа китайцев – «язычников», «варваров», «грешников», – из которого выросла целая идеологема: «свое – христианство – цивилизация» против «чужого – язычества – отсталости». В контексте такого противопоставления дальнейшее развитие получил возникший еще в эпоху Средневековья европоцентризм, который акцентировал идеи «отставания» и «застойности» Китая.

В европейской литературе рубеж XIX–XX вв. обозначился как время духовных поисков и переоценки собственной культуры, в связи с чем многие писатели и поэты, такие как Р. Роллан, Т. Манн, Г. Гессе, Э. Канетти, С. Моэм, обратились к китайской философской традиции как к источнику вдохновения. Увлеченность китайской культурой на фоне кризиса официальной идеологии и морали приобретала характер моды на экзотику, на поверхностно понимаемый восточный мистицизм, учения Дао, дзен-буддизм [5, с. 147].

В американской литературе китайская тематика не обрела массового успеха. Проблемам самосознания и идентичности американской нации уделялось в то время центральное внимание в литературе, а социально-политическая ситуация, связанная с волнами китайской иммиграции, косвенно влияла на создание «непопулярного» имиджа Китая. Этим объясняется скромное положение в литературном сообществе Перл Бак, «популярного эксперта по Китаю» [16, с. 149], первой американской писательницы – лауреата Нобелевской премии.

В творчестве писательницы не просто отразились китайские религиозно-философские веяния, Бак сделала попытку наиболее полно представить читателю религиозную картину мира китайцев. В ее «китайских романах» очевидно стремление синтезировать религиозно-философские установки Востока и Запада, найти общее в системах ценностей китайской и американских культур, утвердить идеи универсальной религии, толерантности, межкультурного взаимопонимания.

Перл Бак воспитывалась в двух совершенно противоположных культурных традициях. Родители, пресвитерианские миссионеры, дали ей классическое христианское образование, а учитель-конфуцианец, господин Конг, приобщил Бак к китайской традиционной культуре. С детства писательница глубоко интересовалась народным творчеством, обычаями простых китайцев. Несказанное влияние на будущее творчество Бак оказали философские трактаты китайских философов и в большей степени китайский роман. «Китайский роман – зеркало китайской жизни. В этом зеркале много теней, образов императоров, при-

© Ленина Д.А., 2018

дворных, наложниц, богов, монахов, воров и куртизанок, простых людей – отцов, матерей, детей. Это процессия из китайцев, какими они являются на самом деле, вместе со своими богами, которых они сами себе создали, ставя немного выше себя, но все же наделяя их человеческими сердцем и мыслями!» [9, с. 155].

Художественные произведения П. Бак оцениваются литературоведами как неисчерпаемый кладезь знаний о жизни китайцев. «Китайские» романы писательницы разнообразны в сюжетном и образном планах, но именно «Китай как он есть» является центром повествования. Достаточно обратить внимание на подзаголовки некоторых ее романов: *Kinfolk – a novel of China, Peony – a novel of China, Dragon Seed – a novel of China at war, The Promise – a novel of China and Burma.*

Сложно представить традиционный Китай отдельно от древнекитайской религиозно-философской мысли, которая не просто существовала на уровне мистической абстракции, а являлась главным социально-политическим механизмом и этическим эталоном [1, с. 149]. Обращение Перл Бак к китайской теме требовало серьезной проработки различных сторон конфуцианства, даосизма и буддизма, а также глубокого понимания быта и традиций разных социальных слоев китайского населения.

Бак всегда восхищалась религиозной терпимостью жителей Китая: «Китайцы принимают свои религии и верования с удивительной толерантностью и компромиссом. Человек может смешать любые религиозные доктрины и при этом быть одобрен обществом» [9, с. 156]. Известный востоковед Л.С. Васильев пишет: «Конфуцианство преобладало в сфере этики и социально-семейных отношений, даосизм с его магией, метафизикой и пантеоном божеств и духов был обращен к сфере чувств и как бы компенсировал сухость и рационализм конфуцианства; буддизм заботился о замаливании грехов, рождал и поддерживал иллюзии о светлом будущем» [1, с. 189].

Исследуя проблему толерантности и взаимоотношений различных культур и религий, Бак строит сюжет некоторых из своих китайских романов вокруг конфессионального конфликта: китайского и христианского (биографии родителей, «Павильон женщин»), китайского и еврейского («Пиони»), конфуцианского, даосского и атеистического («Три дочери мадам Льянг»). Многие исследователи отмечают особое внимание Перл Бак к понятию универсальной религии, где центральное место отводится всеобщей любви и уважению. Так, китайские литературоведы пишут о попытке Бак объединить в своих романах конфуцианство и христианство. Сама же Бак на протяжении всей своей жизни подчеркивала свое особое внеконфессиональное положение.

Идеал китайской религиозной традиции писательница видит в «Доктрине мира». В аналектах Конфуций пишет: «[Когда] действовало Великое Дао, [все, что] под небесами, принадлежало всем» (или его вариация: «Все люди в пределах четырех морей – братья») [6, с. 82]. Это концепция проходит лейтмотивом сквозь все ее произведения и часто цитируется героями ее романов. Даже китайский классический роман «Речные заводи» в англоязычном переводе Бак несет заглавие «Все люди братья».

Роман «Земля» (The Good Earth, 1931) – самое известное произведение П. Бак, за него писательница была удостоена Пулитцеровской премии. Написанный в духе реализма, роман строится вокруг семьи Ван Луна и трудностей, с которыми приходится столкнуться простому крестьянину на его нелегком пути от бедности к богатству. «Земля» близка к жанру так называемого романа-реки, передающего плавное течение жизни и изображающего события в строго хронологическом порядке [4]. В романе присутствует множество религиозно-философских символов, образов, мотивов, без которых нельзя сформировать достоверный образ Китая и китайцев.

Конфуцианские принципы занимают важное место в духовной и социальной жизни главных героев, контролируя отношения и иерархию внутри клана и всей деревни. Важная основа социального порядка – строгое повиновение старшим. Беспрекословный авторитет отца и дяди естественен для Ван Луна, он заключается в конфуцианском понятии «сяо» (сыновняя почтительность). Сяо – основа гуманности, почтительный сын должен всю жизнь преданно заботиться о родителях, прислуживать и угождать им, быть готовым на все во имя их здоровья и блага [1, с. 162]: *Wang Lung said to himself proudly that none should say in the hour of death he had forgotten his father. Even if his own flesh went to feed him the old man should eat* [11, p. 78]. Конфуцианство также регламентирует отношения Ван Луна и его жены О-Лан. Трудолюбие, покорность и способность рожать наследников являлись главными жизненными ориентациями женщины по Конфуцию.

Герои романа «Земля» редко задумываются над таинствами бытия и проблемами жизни и смерти. Время течет своим чередом, а главная ценность и норма – жизнь ради жизни. Смысл жизни Ван Луна лежит в труде и в хорошем урожае, а желания весьма прозаичны: разбогатев, Ван Лун покупает дом, некогда принадлежащий богатой семье, берет в дом наложницу, расширяет свои владения. Философия Конфуция, утверждающая, что главным побуждением к добродетели должны быть не награда или наказание в будущей жизни, как трактуется в западных религиях, а благосостояние в настоящей, ориентировала китайца на максимальное пользование и наслаждение настоящим, на удовлетворение всех своих потребностей и желаний.

Утверждая целью жизни духовно развитой личности достижение гармонии с Космосом, конфуцианство проповедовало идею гармонии человека на всех уровнях с природой, с окружавшими его людьми. Гармония и постоянство – важные особенности конфуцианской этики, которые проявлялись в привязанности Ван Луна к земле. Понятие *antuzhongqian* (安土重迁) – «спокойно жить в данном месте и не желать переселений» – один из столпов китайского сознания, основанного на сочетании конфуцианской этики с историческим прошлым сельскохозяйственной цивилизации [19, с. 154].

Земля является в романе главным символическим образом и может интерпретироваться в контексте мифологической, буддийской и конфуцианской традиции. Поскольку героями романа являются крестьяне, на передний план выходит культ Земли, ассоциирующийся с плодородием – символом богатства и благополучия китайского народа. Китайская мудрость гласит: «Для народа пища – это небо» (民以食为天) [17, с. 27]. Именно земля дает народу пищу, дом, родину. Постепенное превращение крестьянина Ван Луна в богача связанно именно с землей. Упорный труд героя и его жены на земле, а позже приобретение все новых участков обеспечили подъем Ван Луна по социальной лестнице: *Earth which formed their home and fed their bodies and made their gods* [11, p. 22]. В романе часто фигурирует бог Земли, которому поклоняются, приносят жертвоприношения: *Within the temple snugly under the roof sat two small, solemn figures, earthen, for they were formed from the earth of the fields about the temple. These were the god himself and his lady ... Each year at the New Year Wang Lung's father bought sheets of red paper and carefully cut and pasted new robes for the pair* [11, p. 20].

Символ Земли также связывается в романе с цикличностью. Урожай, засуха, наводнения являются лишь повторяющимся действиями, поэтому и воспринимаются героями как естественный поток жизни: *Bodies of men and women had been buried there, houses had stood there, had fallen, and gone back into the earth. So would also their house, some time, return into the earth, their bodies also. Each had his turn at this earth* [Ibid., p. 30]. Понимание Земли как символа рождения, смерти, кругооборота жизни навеяно буддизмом и отражает традиционное китайское отношение к понятиям времени и пространства.

Особая роль в верованиях китайцев принадлежит культу Неба, ассоциирующегося у них с высшей божественной силой, определявшей судьбу всего живого на Земле. Образ неба в романе – это воплощение идеи высшей справедливости, это сам Бог, Абсолют, мерило нравственных ценностей, к которым стремятся, опять же в духе китайской философии, герои Бак.

Небо часто несет в себе, в противовес «Доброй земле», смысловую функцию злого рока для Ван Луна: *Heaven wills it; wicked heaven; cruel Heaven; Heaven is evil and there is no fault of his own*. В честь Неба и Земли исполнялись обряды, приносились в жертву плоды земли, устраивались праздники, выступления. Единство Неба и Земли в китайской традиции определяет гармонию между человеком и природой.

Особого внимания заслуживает понятие жизни после смерти в китайской традиции. По китайским представлениям, человек имел три души: одна из них оставалась в теле умершего, другая на земле, третья отходила в загробный мир, где следила за почестями, воздаваемыми ей оставшимися в живых родственниками. Китайцы считали, что неудовлетворенно-скорбное состояние духов в загробном мире могло неблагоприятно отразиться на живущих, поэтому требовало их почитания, что достигалось путем проведения установленного обряда погребения, а затем находило свое продолжение в домашних кумирнях перед табличками с именами усопших [7, с. 101].

Похороны как момент проводов в загробный мир имели большое значение и являли собой смесь обычаев разных религий: *Then on the day appointed by the geomancer in the full of the spring of the year Wang Lung called priests from*

the Taoist temple and they came dressed in their yellow robes and their long hair knotted on their crowns, and he called priests from the Buddhist temples and they came in their long grey robes, their heads shaven and set with the nine sacred scars, and these priests beat drums and chanted the whole night through for the two who were dead. And whenever they stopped their chanting Wang Lung poured silver into their hands and they took breath again and chanted and did not cease until dawn rose [11, p. 194].

Пышные похороны были знаком статуса для Ван Луна и долгом, который он был обязан выполнить по отношению к своему отцу и жене. Присутствие на похоронах и буддийских, и даосских священнослужителей является показателем терпимости и либерализма в сфере религиозного культа.

Роман «Пиони» (Peony, 1948) занимает в творчестве Перл Бак особое место. Писательница обратилась к исторически уникальной теме – ассимиляции евреев на территории Китая. С давних времен многие народы находили себе прибежище в Китае и были благосклонно приняты благодаря толерантности и неконфликтности коренного населения.

В романе повествуется о богатой еврейской семье, в течение четырех поколений жившей в китайском городе Кайфен. Герой романа Давид Эзра вынужден балансировать между еврейскими традициями, навязанными матерью, и притягательностью и легкостью китайской жизни, данной ему как сыну богатого и уважаемого купца. Религиозные различия, двойная идентичность, противоречия традиций и современности являются ключевыми проблемами в романе.

В своих письмах Перл Бак замечала, что «Пиони» – «это манифест добра, любви и справедливости ко всем людям, именно они помогут избежать поводов для войны» [17, с. 5]. *No people had ever been killed in China because of their kind. True, these Chinese could be cruel enough against a man they hated, but because of what he himself did, not because of his kind* [10, p. 62]. В романе подчеркивается открытость, отсутствие жесткого догматизма в китайской религиозной мысли.

Ортодоксальный иудаизм с идеями исключительности и богоизбранности еврейского народа противопоставляется религиозной толерантности и гуманизму конфуцианства. Еврейская девушка Лея, выбранная матерью Давида в качестве невесты, говорит: *"We are better than they, we rouse men's hatred and they kill us... men hate us because they envy us... they do not want to know God. They are evil and they do not want to be good"* [10, с. 94]. Несмотря на нежные чувства по отношению к Лее, Давид не разделяет ее религиозного пыла: *"We say they are evil. We say we are good... I know no evil men-or women... For me a man is good or evil, whether he is Jew or not"* [Ibid.].

Положенный в основу композиции принцип контраста выполняет важную идейно-художественную функцию в произведении. Учитель-конфуцианец, развивающий мышление и логику Давида, противопоставляется раввину, яростно заставляющему заучивать наизусть Тору; страх и печаль перед прошлым еврейского народа – радости и легкости китайской жизни. Служанка говорит в разговоре с отцом Эзры: *"When you remember your father was a Jew you are unhappy and sad, and when you remember your mother was Chinese you are happy and life is good"* [Ibid., p. 61].

Достаточно частое отчуждение китайца от богов создавало ложное впечатление, что «религия играет в Китае меньшую роль, чем где бы то ни было. Китаец с жаром стремится только к богатству и материальным наслаждениям; понятия духовные ему чужды, он им не верит, или, лучше сказать, не хочет этим заниматься» [2, с. 106]. Однако подобные стремления, шедшие вразрез с христианскими ценностями, были как раз в духе конфуцианства, философия которого была ориентирована на посюстороннее существование личности. *"What is right except that which makes happiness and what is wrong except that which makes sorrow?"* [10, p. 77] – говорит служанка Пиони.

Древние знания, которые Давид впитывал на уроках своего китайского учителя, казались ему совершенно очевидными истинами: *To repay evil with kindness is the proof of a good man; a superior man blames himself, a common man blames others. There is one word that can be the guide for our life – it is the word reciprocity. Do not unto others what you would not enjoy having them do to you* [Ibid., p. 17].

За несколько столетий еврейские культурно-религиозные традиции сблизились с китайскими. В еврейской синагоге на стенах высечены изречения, по своему содержанию далекие от догматов иудаизма. *From the time of Abram, when our faith was established, and ever after, we the Jews of China have spread the knowledge of God and in return we have received the knowledge of Confucius and Buddha and Tao. Worship is to honor Heaven, and righteousness is*

to follow the ancestors. But the human mind has always exhisted before worship and righteousness [10, p. 74].

Яркий эпизод в романе – похороны отца Давида, которые ничем не отличались от буддийских. Глава храма Будды и монахи пришли почтить память главы семейства специальными песнями и чтением суртр. Глава храма говорит Давиду: *"Your father, although a foreigner, had a larger heart, and he never separated himself from any man. We wish to honor him with what we have, and we have nothing except our religion"* [Ibid., p. 163]. Призвание «старайся платить за милость» (知恩图报) и выражение «капля воды всегда вернется в поток ручья» (滴水之恩当以涌泉相报) как общекитайские ценностные ориентиры проявляются в романе через тему дружбы и преданности между китайцами и отцом семейства Эзра [14, p. 79].

Один из самых читаемых романов Перл Бак «Три дочери мадам Льянг» (Three daughters of Madam Liang, 1969) принадлежит к позднему периоду творчества писательницы. По мнению критиков, роман является попыткой Бак интерпритировать для Запада реальные исторические события, происходившие в маоистском Китае 1960-х гг. Написанный спустя 38 лет после «Земли», роман предлагает взгляд на страну и ее жителей изнутри в критический момент, навсегда изменивший китайскую историю. Во время написания романа китайско-американские дипломатические отношения были весьма враждебны, однако «социально-политические барьеры между США и Китаем стираются при прочтении этой искренней и полной драматизма истории» [15, p. 25].

В романе Бак часто обращается к китайской религиозной символике, колористике, цитированию древних мыслителей. Образы Лаоцзы и Конфуция подаются автором в сопоставлении и становятся взаимодополняющими по мере развития действия.

Главная героиня романа, хозяйка эксклюзивного шанхайского ресторана Мадам Льянг, в молодости приспешница Сунь Ятсена, пережив коммунистическую революцию, сохраняет свое влияние среди партийной «верхушки». Однако ее жизнь теряет гармонию, когда две из трех дочерей, эммигрировавших в Америку, решают вернуться в Китай перед разгаром Культурной революции Мао Цзедуна.

Образ сильной, самодостаточной женщины, в котором находят свое отражение идеалы конфуцианской традиции в комплексе с современными феминистическими веяниями, уже встречался в творчестве Перл Бак. Внешнее портретное сходство мадам Льянг и героини романа «Павильон женщин» мадам Ву, а также сравнительно одинаковые моральные ориентиры в общественной и личной жизни позволяют говорить о «параллельности» этих двух персонажей.

Мадам Льянг, как и мадам Ву, выросла в богатой семье, где свято чтились конфуцианские традиции и культ саморазвития. В своей комнате, наполненной изысками западной цивилизации (до революции ее дом пренадлежал ее друзьям американцам), она часто погружалась в запрещенные коммунистической идеологией книги древних китайских мыслителей. Медитации и чтение трактатов Конфуция и Мэнцы духовно поддерживали мадам Льянг и давали силы жить в мире, словно сошедшем со страниц романа Оруэлла: *The people better fed, corruption wiped clean away, bridge built, floods controlled, even flies and rats gone – but beauty was dead* [12, p. 21].

Для мадам Льянг конфуцианство является основой и идеологической базой китайской цивилизации, а значит, не может быть искоренено. Конфуцианские традиции и народные верования, существование которых уходит в мощную толщу истории, нашли свое новое перевоплощение в настоящем: *Though the Chairman disdained Confucius, yet like Confucius he gave commands on every detail of life... The people worshipped him as a god-hero. The people had need of one whom they could worship. Without such a one they were frightened and lost between heaven and earth. They had no other gods now to worship, since gods were forbidden, and having no gods, they created a god of their own in their worship of the Chairman. Where the people have no gods, they create the image of a god. So it was, and so it always had been* [Ibid., p. 163].

Книга перемен «И Цзин» является одним из главных смыслообразующих символов романа. Она сыграла важную роль в становлении и развитии философии, этики и духовной культуры Китая. Ее основная идея заключается в нераздельности неба, земли и человека, в признании постоянных изменений природных и общественных явлений, обусловленных взаимодействием ян и инь (светлого и темного, твердого и мягкого, мужского и женского, успешного и неудачного) [3, с. 310]. Многочисленные повторы и появление этого образа в размышлениях и высказываниях персона-

жей отражают вековые китайские корни, которые сформировали нацию и ее философскую мысль [8, с. 8–9].

Жизнь мадам Льянг во многом строилась на принципах И Цзинь. Несмотря на коренные изменения в идеологии общества, И Цзинь осталась для нее источником вдохновения и негласным сводом этических правил и требований: *She consulted Book of Changes and ordered her own life by its principles... In such hours as these Madame Liang had one recourse, she drew forth The Book of Changes. As her American friend Mrs. Brandon had been wont to revere the sacred book of the Christians, Madam Liang revered this book* [12, p. 72].

«Книга Перемен» стоит на первом месте среди классических книг китайской философской мысли, а ее идеи активно применяются в традиционной китайской медицине, социально-политической мысли и истории. «Книга Перемен» предвидит будущие события, объясняет человеческое существование и природные явления [13, с. 48–56]. Учитель дочери мадам Льянг, несмотря на свою преданность партии, не пренебрегает принципами И Цзин: *It is necessary for you to understand these trigrams... This is the eternal motion of life, a duality of positive and negative equally valuable and each indispensable to the other* [12, p. 102].

Философско-религиозное понятие «дао», часто переводимое как «Путь», проходит лейтмотивом через весь роман, вплетаясь в сюжетную линию, аккумулируя и реализуя другие конфуцианские и даосские образы и символы. Дао – не просто центральное понятие философии даосизма, но и основная концепция всей китайской религиозно-философской системы. Бак использует цитату из главного трактата Лао-дзы Tao Te Ching в качестве эпиграфа, отражая главную мысль романа:

The Way that can be mapped is not the Eternal Way.
The Name that can be named is not the Eternal Name.

Существуют различные интерпретации понятия «дао», но все они объединены мыслью о том, что во вселенной действует живое начало, все движимо потоком, наполненным энергией и вибраций. Дао является ответом на вопрос *как?*, дао – первопричина вселенной, ее дух. *"Tao is the Spirit that permeates all heaven and earth, even those far beyond ours. Tao also includes all that is not, and all that is; Lao Tzu describes it in these words"* – говорит мадам Льянг [Ibid., p. 81].

Среди других основных концепций даосизма выделяется понятие «вечный», поэтому символ Вечного пути звучит в романе как основной, обобщенный образ китайской религии и философии. Он является сутью духовных поисков мадам Льянг и ее дочерей. Этот символ проходит через весь роман и связан с общим замыслом, концепцией автора – показать деструктивное влияние коммунистических изменений на китайское общество: *Could any force, human or natural, destroy a people who believed themselves indestructible, had so believed for thousands of years and would so, perhaps forever? Was this not the guarantee of life, the Eternal Way?* [11, p. 131]. «Скрытый смысл разворачивается с развитием сюжета и с помощью вербализованных символов создает общий символический смысл романа, который и составляет важнейшую его часть» [3, с. 310].

Символ «Вечный путь» (Eternal way) вплетается в повествование, диалоги, размышления персонажей, придавая этим многомерность тексту и связывая его с глубинной культурой Китая: *Stay apart from the crowd. Let them march and shout. It is a way but it is not the Eternal Way; There was no one to whom she could wholly put her trust; ... As for Chou San, waiting to hear what she would say, better not to agree or disagree! Was this perhaps the Eternal Way, after all?* [11, p. 97, 110].

Символу «Вечный путь» (Eternal Way) в романе противостоит «Новый путь» (New Way): *The task of teaching peasants is endless, but it must be done. Everyone, however ignorant, must learn the New Way"..."But is it the Eternal Way?" she inquired slyly* [Ibid., p. 83]. Противопоставляя эти две сущности, Бак демонстрирует принципиальное различие между ними. В контексте целого произведения антитеза «Вечный путь – Новый путь» формирует центральную смысловую оппозицию романа, где вечному, традиционному, творческому противостоит новое, агрессивное, разрушительное.

В романе «Три дочери мадам Льянг» очевидна авторская позиция, подчеркивающая, что новый путь не всегда является правильным. Революции XX в. показали, что ориентации на новое Сунь Ятсена и Мао Цзедуна стали роковыми для китайского общества. Главную ценность Бак видит в истории, традициях и в китайской нации. Авторская точка зрения чувствуется в монологе мадам Льянг о судьбе китайской цивилизации: *Do you think there is anything new under heaven? I trust all to our own people! In the ancient Book of History, upon*

which Confucius himself based his philosophy, it is said...

The people must be cherished,
The people must not be oppressed,
The people are the root of the country
If the root is firm, the country is tranquil [11, p. 130].

Мотив возврата к исторической гармонии, к вселенскому первоначалу, к естественным принципам жизни является существенной частью художественного мира Бак: *The people were the greatest treasures of China – they were unchangeable. The teachings of Lao Tzu stated: "Throw eggs at a rock, and though one uses all the eggs in the world, the rock remains the same"* [Ibid., p. 163].

Оценивая роман «Три дочери мадам Льянг» в качестве заключительного в «китайском творчестве» П. Бак, можно говорить о важной роли религиозных символов в создании общего имагологического образа Китая в рецепции писательницы, который образуется ассоциативной цепью: путь – вечность – история – народ – противостояние изменениям и т.д. Перл Бак, следуя Конфуцию и Лао-дзы, видит силу Китая в его народе: *So it was with the people; for throughout all change, one finds they were unchangeable...Heaven has no fixed will, but sees as the people see, and hears as the people hear* [Ibid., p. 131].

Творчество Перл Бак, независимо от временного периода, наполнено гуманистическими идеями и стремлением к гармонии между китайской мудростью и современностью, человеком и природой, Западом и Востоком. Бак черпает вдохновение из китайской религиозной синкретической системы, соединяя, «примиряя» идеи конфуцианства, даосизма и буддизма. Проникая в глубины китайских народных традиций и верований и интерпретируя их в своих романах, Бак пытается разрушить истоки негативных стереотипов о «чужом» Китае, акцентируя идею общности, равенства всех народов, уникальности и в то же время универсальности моральных и духовных ценностей разных культур.

Список литературы

1. Васильев, Л.С. История религий Востока. М.: Книжный дом «Университет», 2000.

2. Исаченко В.И. Образ Китая и китайцев в русской ментальности второй половины XIX – XX вв. (философско-религиоведческий анализ): дис. … канд. филос. наук. Благовещенск, 2005.

3. Івасюта О. Функціонування символу в романі П. Бак «Три доньки мадам Ліанг» // Вісник Львівського університету. Серія іноземні мови. 2012. Вип. 19. С. 306–314.

4. Лауреаты Нобелевской премии: энциклопедия / пер. с англ. М.: Прогресс, 1992. Кн. 1.

5. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007.

6. Мартынов Д.Е. Конфуцианский идеал великого единения: реинтерпретация и проблема перевода // Уч. зап. Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 1(153). С. 78–88.

7. Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада. Познание запредельного. СПб.: Азбука-Классика; Петербургское Востоковедение, 2005.

8. Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга Перемен». М.: Наука, 1993.

9. Buck P.S. China in the Mirror of her Fiction Pacific Affairs. Vol. 3. No. 2 (Feb., 1930). P. 155–164.

10. Buck P.S. Peony: A Novel of China (Kindle Edition). N.Y.: Open Road Media, 2012.

11. Buck P.S. The Good Earth. N.Y.: John Day Company, 2004.

12. Buck P.S. The Three Daughters of Madame Liang. N.Y.: Pocket Book, 1971.

13. Schwartz B.I. China and Other Matters. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.

14. Yang M. Collision of Confucianism, Taoism and Christian Ideas: a Comparative Study of Culture Communication Sense of Pearl S. Buck and Lin Yutang // Cross-cultural Communication. Canadian Academy of Oriental and Occidental Culture. 2005. Vol. 1. № 2. P. 77–80.

15. York V.S. China as depicted by Western novels. Dissertation submitted to the Graduate Faculty of Middle Tennessee State University for the degree of Doctor of Arts, 1991.

16. Yoshihara M. Embracing the East: White Women and American Orientalism. N.Y.: Oxford University Press, 2003.

17. 杜坤。 从冲突到接受：赛珍珠《牡丹》中的文化对话//硕士学位论文 2012, 37页。

18. 董晨鹏, 刘龙。 士的人格理想和儒家文化心态—试析赛珍珠的中国传统文化观//镇江师专学报，1998年第2期，第27～30页。

19. 高鸿。赛珍珠大地三部曲里的中国形象// 福建师范大学, 文学院, 福建, 61/4, 2005, 第153～165页。

* * *

1. Vasil'ev, L.S. Istorija religij Vostoka. M.: Knizhnyj dom «Universitet», 2000.

2. Isachenko V.I. Obraz Kitaja i kitajcev v russkoj mental'nosti vtoroj poloviny XIX – XX vv. (filo-

sofsko-religiovedcheskij analiz): dis. … kand. filos. nauk. Blagoveshhensk, 2005.

3. Ivasjuta O. Funkcionuvannja simvolu v romani P. Bak «Tri don'ki madam Liang» // Visnik L'vivs'kogo universitetu. Serija inozemni movi. 2012. Vip. 19. S. 306–314.

4. Laureaty Nobelevskoj premii: jenciklopedija / per. s angl. M.: Progress, 1992. Kn. 1.

5. Lukin A.V. Medved' nabljudaet za drakonom. Obraz Kitaja v Rossii v XVII–XXI vekah. M.: Vostok-Zapad: AST, 2007.

6. Martynov D.E. Konfucianskij ideal velikogo edinenija: reinterpretacija i problema perevoda // Uch. zap. Kazanskogo un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2011. № 1(153). S. 78–88.

7. Torchinov E.A. Puti filosofii Vostoka i Zapada. Poznanie zapredel'nogo. SPb.: Azbuka-Klassika; Peterburgskoe Vostokovedenie, 2005.

8. Shhuckij Ju.K. Kitajskaja klassicheskaja «Kniga Peremen». M.: Nauka, 1993.

Religious and philosophical component of the image of China in P. Buck's novels

The article deals with the Chinese religious and philosophical system and its special syncretic character by the examples of P. Buck's novels "The Good Earth", "Peony", "The Three Daughters of Madame Liang". The author analyzes the religious and philosophical motives and symbols that play an important role in the construction of the imagological image of China in the works by P. Buck.

Key words: *Pearl Buck, image of China, imagology, religious and philosophical system of China, Chinese syncretism.*

(Статья поступила в редакцию 01.12.2017)